

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Воскрешение Колтона Прайса

1	9
2	18
3	25
4	32
5	41
6	52
7	61
8	70
9	78
10	86
11	91
12	97
13	105
14	113
15	122
16	128
17	135

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Трагическое дело Натаниэля Шиллера

18.	147
19.	155
20.	158
21.	165
22.	172
23.	179
24.	184
25.	193
26.	202
27.	208
28.	216
29.	222
30.	231
31.	237
32.	242
33.	249
34.	254
35.	262

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Обряд экзорцизма Делейн Майерс-Петров

36.	269
37.	277
38.	285
39.	293
40.	302
41.	311

42	320
43	336
44	338
45	341
46	344
47	345
48	348
49	361
50	367
51	378
52	384
53	388
54	391
55	394
Благодарности	406
Об авторе	410

*Для всех, кто знает,
что такое чувствовать себя одиноким
в толпе или черпать утешение
в дневных грезах*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Воскрешение Колтона Прайса

*Врата ада открыты днем и ночью;
Спуск плавный, и путь легкий:
Но вернуться и увидеть веселье небес,
В этом труд и задача могучая.*

Вергилий, «Энеида»

1

Делейн Майерс-Петров не была хрупкой как стекло, но иногда ей казалось, что это не так. Раннее сентябрьское утро было солнечным и теплым, на широкую зеленую площадь Хау падали тени от тонких саженцев деревьев. Над головой простиралось покрывало нежно-голубого неба, заполненное пушистыми облаками. Делейн совсем не чувствовала, что она на волосок от нервного срыва, но ее родители смотрели так, будто это сейчас произойдет.

Ее родители, которых она несколько раз просила остаться дома. Родители, которые так и не научились слушать, хотя у них со слухом все было в порядке. Родители, которые решительно проигнорировали ее просьбы и пришли на первый день занятий. Выглядели они удушающе не к месту рядом с дорогим зданием, выстроенным из опалено-красного кирпича, обвиняемого плющом. Они стояли с плакатом, на котором написали ее имя.

Лейни, мы тебя любим!

Надпись была сделана жирными черными буквами на бумаге цвета розовой жвачки. Ощущения от этого события, как и от всех событий в ее жизни, были невероятно унижительными. Несколько студентов показывали пальцем на плакат. Ее мама, сидящая под тонкими ветками молодого вяза, как будто совсем не замечала, что происходит вокруг. Располагающийся

рядом с ней отец Делейн совсем не вписывался в обстановку: руки в татуировках, волосы убраны назад, в бороде заметны серебристые волосы. Выражение лица такое, будто сейчас его будут фотографировать в полицейском участке за правонарушение. Студенты на тропинке, замечая его хмурый вид, пытались держаться от него как можно дальше, насколько это вообще было возможно. Делейн была готова поспорить: губы отца были так сильно сжаты только потому, что он прилагал все свои силы, чтобы не расплакаться.

Неся на плече свою сумку и проглатывая гордость, она как можно незаметнее помахала на прощание родителям. И пока Делейн шла, она старалась не наступать на тени, отбрасываемые на асфальт, словно маленький ребенок, который перепрыгивает через расщелины на плитках — «На трещину встанешь, маме спину сломаешь». С каждым шагом в ее голове все громче проигрывалась детская считалочка. Родители поддерживали ее так, будто они зрители на стадионе Фенвей. Тени охлаждали и омрачали. Она все меньше чувствовала себя студенткой, которая только поступила в колледж, больше, как ребенок, идущий в детский сад с ланч-боксом в руках.

Это было, как она полагала, прогулкой по краю длинной темной полосы, сложно было винить ее родителей. Хрупкая и часто болеющая, она побывала на волосок от смерти еще до того, как научилась читать. Девочка попала на больничную койку, где мигал свет и шумели приборы, она вынырнула из каталептической темноты, только чтобы узнать, что слух больше не вернется. Делейн осталась наедине с тишиной в своей голове, с шепотом теней у ее ног и отчетливым ощущением, что она разбита внутри.

И с каждым тихим днем с тех пор к ней относились сугубо бережно, как к хрупкой посылке.

Она была честна сама собой, никто никогда не ожидал, что Делейн Маейрс-Петров пойдет в колледж.

Доход ее родителей был скромен: таким можно оплачивать свет, а не покрывать оплату за обучение. Свободные духом, они проводили свои вечера, бронируя места на выступлениях устной поэзии в местных инди-площадках, а дни — отвозя Делейн к Волденскому пруду, чтобы она попрыгала по камням у воды. Они не вдумывались в смысл таких вещей, как капитализм, складывание постиранного, чистого, выглаженного белья и научные учреждения.

Маленькая, хрупкая Делейн как яблоко не просто далеко упала от яблони семейного дерева. Ее яблочко было подобрано пасущимся оленем и перенесено через поля и луга, оставлено далеко-далеко. Пока ее родители отрицали саму концепцию высшего образования — «Это просто дорогой кусок бумаги, Лейни. Он тебя не определяет», — большего она не хотела. Она хотела планов, свободы и обещанных возможностей, которые можно было получить от высшего образования.

Хотела получить шанс, чтобы доказать, что она не сделана из стекла, она гораздо крепче этой материи.

Она хотела, чтобы ее что-то определяло. Не возможность слышать и тишина в ее голове, не страх темноты — она желала, чтобы ее определяли ее достижения. Не то, что она неспособна сделать, а то, чего она добилась.

Поэтому в ту минуту, как ей стукнуло восемнадцать лет, она зашла в интернет и подала заявку на стипендию. Вступительные экзамены были сложными и заняли целую неделю. Они оценивали психическое и физическое состояние, индивидуальные способности, а также нужно было заполнить много разных зловещих форм. Как только были обработаны результаты, они помогли определить ее место и на каком факультете ей бы было лучше всего учиться.

А нужная финансовая поддержка пришла с одним нюансом. Ее обучение будет полностью спонсировано

при условии, что она согласится учиться на факультете, на который ее распределят.

Родители Делейн явно сомневались в принятии ее решения, но у них было отвращение к дисциплинарным разговорам, а это означало, что они никогда бы не стали вмешиваться и навязывать свое мнение. «Лейни, — говорили они, — если диплом — это все, что ты хочешь, существует множество онлайн-программ с доступной нам оплатой. Кроме того, они будут удовлетворять все твои потребности. Там нет никакой планки. Тебе ничего и никому не нужно доказывать».

Но Делейн хотела доказывать.

Не только другим людям, но и себе. Всю ее жизнь к ней относились бережно, отгораживали и отдаляли от внешнего мира как предмет, который поставили на самую высокую полку, но Делейн не хотелось быть им и собирать пыль. Стекло, как она знала, было ужасно легко сломать, но давление, которое оно могло выдержать, было огромным. Она хотела узнать, каков лимит ее возможностей, даже если для этого нужно было получить пару швов. Делейн хотела получить шанс начать все сначала и самой определять, какая она, быть кем-то другим.

Кем-то, кто бы смог покорить мир в одиночку.

Кем-то, кому было бы не восемнадцать, кем-то, кто бы не боялся темноты.

В первый день экзаменов она и еще три сотни полных надежды абитуриентов провели утро запертыми в эхо-камере публичной школьной гимназии. Она ощутила, как она часто это чувствовала в больших пустых пространствах, как по спине вниз побежали мурашки, а в глазах начало темнеть.

Ее плохой привычкой была персонализация темноты. Она представляла ее беспокойной, такой, какой была Делейн, когда ей было немного одиноко и не хватало друзей. Она боялась того, как темнота притягивала ее взгляд, как она накрывала ее, словно прилив.

Пока наблюдатель объяснял правила, которые она не могла слушать, девушка царапала себя остро наточенным карандашом и прикладывала максимум усилий, чтобы не таращиться на темные уголки комнаты, в которой она сидела.

На второй день тестирований поступающих по одному вызывал маленький мужчина в крохотную комнату, где их усаживали на стул из полипропилена со сломанными ножками. Там темнота веяла холодом и была ужасно близко. Ее ноги утонули в ней, как в неглубоком маленьком бассейне. Темнота обвила ее, как счастливая кошечка.

«Привет, — в ее воображении поздоровалась с ней темнота. — Привет, привет».

Интервьюер напротив нее пристально рассматривал Делейн и задавал ей кучу никак не связанных вопросов. Делейн расположилась на краю стула и прилагала все усилия, чтобы читать по губам, которые располагались под бахромой усов. Она ударила себя за мысли о мурчащих тенях.

На третий день Делейн решила сменить свой тупой карандаш на острозаточенный, когда наблюдательница назвала ее имя: «Делейн Майерс-Петров? — Несколько любопытных студентов подняли свои головы. — Выйдите со мной в коридор». С горящими ушами, она проследовала за тощей женщиной из спортивного зала в ментолово-зеленый коридор, где колоннами стояли шкафчики для вещей. Хлопок пожарных дверей заставил ее заскрипеть зубами

«Собирайте свои вещи, мисс Майерс-Петров, — сказала наблюдательница. — Здесь вам больше делать нечего».

Исключение было, как удар исподтишка. Делейн очень хотелось дать сдачи. Она была готова сопротивляться. Но ее воспитывали не для того, чтобы идти до конца, она последовала указу наблюдательницы и вернулась в аудиторию, где забрала свои вещи. В тот день

она лежала в кровати и прокручивала в голове все свои действия, пытаюсь понять, где же она совершила ошибку. Когда сгустились сумерки, она почувствовала, как темнота в ее комнате укоризненно цокнула ей, а глубоко в груди начал надуваться шарик из стыда.

Может быть, она неправильно ответила на вопрос.

Может быть, им не нужна абитуриентка, которая не может слышать.

А может, они подумали, что она слишком странная, девушка, которая сторонилась темноты.

А затем. Затем. В одно ничем не примечательное утро вторника Делейн нашла письмо в почтовом ящике. Это был конец апреля, влажные дни тянулись бесконечно. Она забилась в уголок рядом с почтовым ящиком, с онемевшими от переживаний пальцами, и оторвала треугольный клапан конверта с надписью «Комитет грантов и стипендий», с печатью и подписью.

Мисс Делейн Майерс-Петров,

Поздравляем вас с великолепными результатами проделанной работы. Вы являетесь обладателем нашей стипендии для нуждающихся студентов. Благодаря вашим уникальным способностям комиссия решила, что ваши таланты лучше всего пригодятся на кафедре неантропологии. В связи с этим вы приняты в Университет Хау школы Годбоула на факультет неантропологических наук. Стипендия будет направлена напрямую в университет, она может быть использована только для оплаты учебы, налогов и покупки учебников.

Ожидаем вас увидеть утром первого сентября в здании Годбоула, аудитория Б. Более подробную информацию о вашем зачислении можно прочитать на студенческом портале. Пожалуйста, при входе на сайт прикрепите документы, удостоверяющие личность. Если у вас остались какие-либо вопросы,

пожалуйста, свяжитесь с отделом кадров, номер указан ниже.

В конце письма была подпись члена совета директоров. Долгое время после прочтения письма она стояла под дождем. Делейн слышала о Годбоуле, все о нем слышали. Это была невероятно престижная, но довольно-таки противоречивая программа для тех, кто увлекался оккультизмом.

Это все обман и дымовая завеса, — гласил комментарий под слитым видео, где студент Годбоула скользил между мирами. — Любой человек, имеющий ноутбук, может понять, что это монтаж. Эти студенты участвуют в мошенничестве.

Видео выглядело, как сцена из сериала «Сумеречная зона». На другом видео студент стоял прямо и уставился куда-то за камеру, ожидая подачу сигнала. Затем он кивнул и сделал шаг вперед. В этот момент его проглотило небо. Воздух раздвинулся перед ним, словно вода. Студент больше не появлялся.

«Уникальные способности» — так было написано в ее письме.

Люди использовали много прилагательных, чтобы описать Делейн все ее восемнадцать молчаливых лет. Бедненькая Делейн, которая стала больной в слишком раннем возрасте. Трусливая Делейн, все еще спит с включенным светом. Хрупкая Делейн, которой постоянно нужна нянька.

Но способная Делейн — это было что-то новое. Ей подходило это, как будто бы новенький свитер, который как раз ей по размеру.

И вот в один восхитительный день в сентябре она собрала свои вещи и ушла. Она ушла покорять мир и, может быть, кого-то еще. Доказывать, что она может все.

Делейн глубоко вдохнула и сделала шаг вперед, тень последовала за ней.

Университет выглядел как все, что она хотела. Сентябрь был создан для реализации, как кирпичи и книги, как новые начинания. Запах в сентябре был прекрасным: свежескошенная трава и петрикор, кофейная гуцца и ваниль, а также едва заметный осенний аромат кислых яблок.

На дальнем краю площади возвышалось здание Годбоула. Внушительный стеклянный монолит, сверкающий на свету, как бриллиант, — структурное несоответствие среди аккуратных рядов кирпича, увитого плющом.

Даже здесь ирония не покинула ее. Стеклянная девочка, предназначенная для стеклянного двorca.

Прохлада ранней осени исчезла, как только Делейн переступила порог. Фойе было оформлено в минималистичном стиле и предназначено для эстетики. В центре комнаты на гладком мраморном стенде возвышалась бесцветная цветочная композиция из каплевидных гиацинтов.

За окном начало опускаться солнце. Каждый стук ее ботинок по линолеуму раскалывал пространство поразительным шумом, словно раскат грома, и она, как всегда, не знала, усиливается ли звук только ее кохлеарным имплантом, или же все вокруг слышат это.

К счастью, поблизости, похоже, никого не было, только Делейн Майерс-Петров и бесконечная ослепительная белизна. Она не была уверена, нравится ли ей это. Остальная часть кампуса выглядела как старые деньги и книги, кирпич, плющ и ностальгия. Но Годбоул выглядел как будущее. Он выглядел как январь: мрачный и суровый.

Делейн завернула за угол, провожая взглядом свое отражение в стекле: высокие косички бледно-персикового цвета, черная блузка, обрамленная белым воротничком baby-doll, все в стиле панк и пастель. «Гром-

кий», — как-то назвала ее наряд женщина, чье имя начинается на «Т». Громкий, чтобы компенсировать непреодолимую тишину. Если она была одна, это означает, что она опоздала, а опаздывать она не любила.

Впереди находилась пара лифтов, двери одного из них плавно закрылись. Делейн все хуже видела фигуру внутри — серый свитер и бордовый галстук, аккуратный блеск каштановых кудрей. Одиноким выразительный взгляд встретился с ее глазами через тонкую щель.

— Эй — крикнула она, ускорив шаг. — Можете придержать...

Двери с грохотом закрылись как раз в тот момент, когда она остановилась, еще немного — и они зажали бы ей нос.

— Придурок, — сказала она металлическим дверям и нажала на кнопку большим пальцем. Один, два, три раза для большей надежности. Делейн отступила назад, чтобы подождать, пока другой лифт спустится с пятого этажа, ощущая, как мимо нее стремительно пролетают секунды.

К ее полному ужасу открылся первый лифт. Внутри стоял незнакомец. Он прислонился к стене, опершись руками о поручень, круглый циферблат его часов мерцал на свету. Под глазами цвета кофе виднелись темные круги, ровный нос, лицо обрамляли бледные выдающиеся скулы. Его рот был похож на кинжал, он не улыбался. Тени прижимались к нему так, что казалось, будто они голодны — у них были зубы, а он был чем-то вкусным. Как будто все в нем притягивало тьму. Брови незнакомца сошлись при виде нее. Он выглядел, как ей показалось, удивленным.

— Лейн, — сказал он.

2

В день, когда Колтон Прайс воскрес из мертвых, он открыл глаза и увидел, что на него смотрит маленькая девочка. На дворе стояла вторая половина марта, белое небо было окаймлено деревьями. Девочка склонилась над ним, солнечный свет стекал по ее косам. В ее руке в варежке был зажат плоский камень, приготовленный для катания.

Он задышался от холодного, грязного воздуха. Грязь, засасывая, тянула его за одежду. Вода из пруда липла к его коже. «Тише, — говорил он. — Тише. Тише. Тише.» Он не понимал: когда он умер, пруд был замерзшим. Зимняя толща, но не настолько плотная, чтобы выдержать вес двух мальчиков на коньках.

Пока он лежал на берегу, чувства медленно возвращались в его тело. Болела челюсть. Это была тупая, бьющаяся в сердце боль, которая усиливалась, когда дул ветер. Он был мертв. Он был мертв. В девять лет он мало что знал о смерти, но он узнал ее, когда она пришла за ним. Его сердце замедлялось, пока окончательно не остановилось. Он заметил, как потемнело в глазах.

Но сердце билось, стучало под его костями. И была маленькая девочка, излучающая радугой. Радужные чулки. Радужные варежки. Радужные бантики. Он был жив, жив, жив, а девочка смотрела на него глазами совы, пристально и подозрительно.